

Н. КАРВЕНЪ.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“

ВЪ

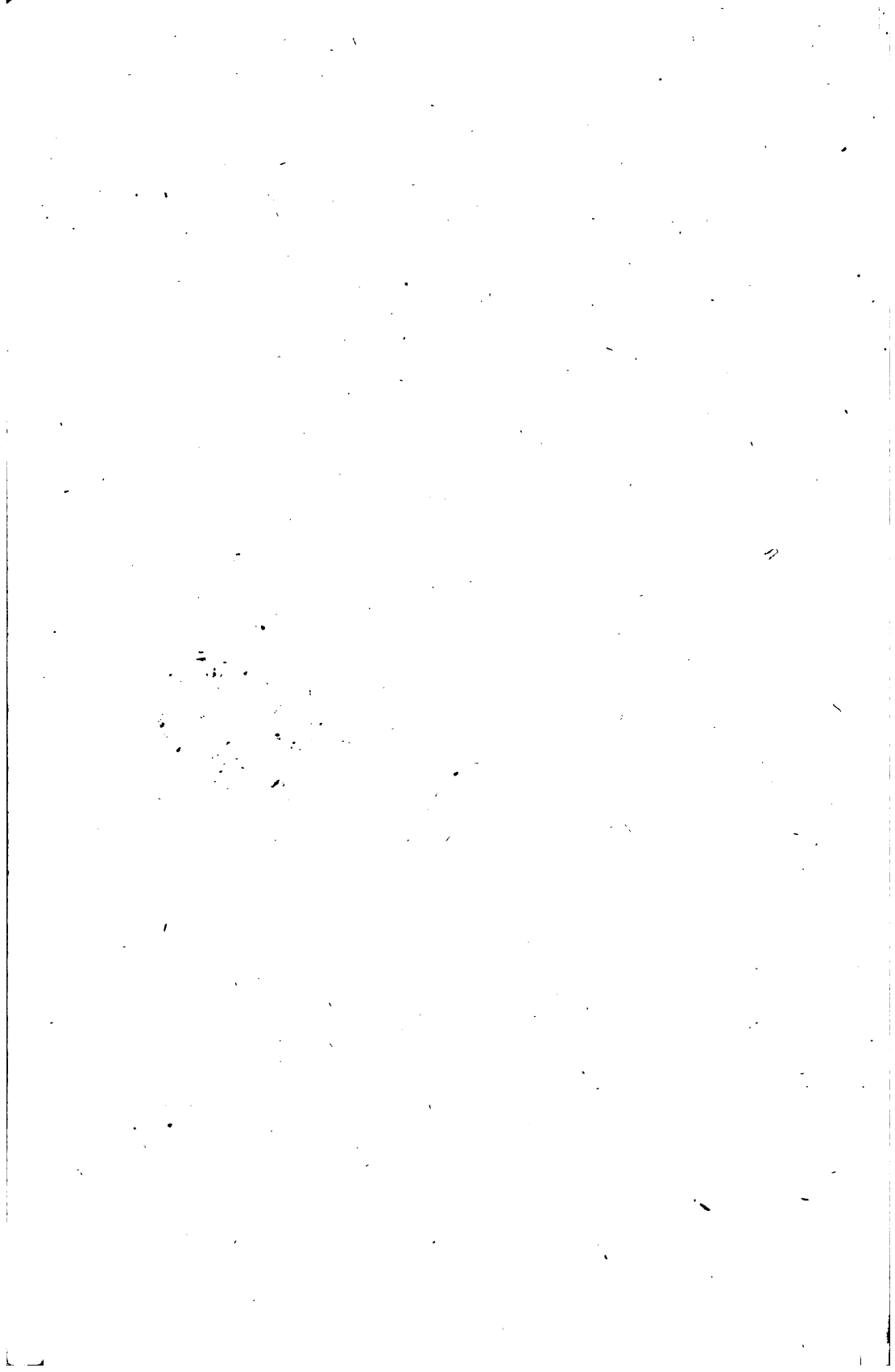
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 7

1888.

Н. КАРВЕНЪ.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

С.-Петербургъ.

Тинографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 78.

1888.

Екатеринбургскій кан., д. № 78.
2852.

Оглавление.

	Стран.
<u>Предисловіе</u>	III
Оглавленіе	VII
 ГЛАВА I. Мнѣнія польскихъ публицистовъ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи Посполитой.	1
Общее значеніе вопроса о паденіи Рѣчи Посполитой для польской исторіографіи.—Польская публицистика XVIII в. и историческая литература XIX в.—«Политическій компендіумъ» де-Варилля.—Сочиненіе графа Вельгорскаго «О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи Посполитой».—Нарушевичъ.—Брошюра «о безкорольствѣ въ Польшѣ и объ избраніи королей».—Соч. Коллонтая о наслѣдственности трона.—Польскіе мемуары.—Книга «Объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая».—Главная цѣль этой книги.—Ея содержаніе по главамъ.	
 ГЛАВА II. Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.	20
Три историческія школы въ Польшѣ.—Идеи варшавскаго Общества любителей наукъ.—«Историческія пѣсни» Нѣмцевича.—Польская публицистика объ угнетеніи крестьянъ.—Школа Іоахима Лелевеля.—Общій взглядъ Лелевеля на польскую исторію.—Его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Царствованіе польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость».—Его «Сравненіе трехъ польскихъ конституцій».—Польская исторія Морачевскаго.—Историческіе взгляды Шмитта.—«Слово польской исторіи» Врублевскаго.—Историческіе труды Гоффмана.—Сочиненія по исторіи религіи въ Польшѣ.—«Философія польской исторіи» Валевскаго.—Возвращеніе польской исторіографіи къ идеямъ Нарушевича.—«Очеркъ исторіи Польши» Бобржинскаго.—Историческія работы Шуйскаго.	

ГЛАВА III. Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка.

65

Мысли о польскихъ дѣлахъ Вольтера, Монтескье, Рэйналя, Бѣрка, Фокса, Пэна, Мэкинтоша.—Общій выводъ изъ этихъ мыслей.—Сочиненіе аббата Мабли «О правительствѣ и законахъ Польши».—Возраженія ему со стороны барскихъ конфедератовъ.—Мемуаръ Ж. Ж. Руссо о польскихъ дѣлахъ.—Популярность Руссо въ Польшѣ.—Брошюра «Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ».—Изображеніе государственныхъ переменъ въ Польшѣ Фр. Иос. Іекеля.—Рюльеръ и его «Исторія анархіи въ Польшѣ и расчлененія этой республики».—Отношеніе къ этой книгѣ современныхъ ей выходу въ свѣтъ критиковъ.—Разборъ взглядовъ Рюльера.—«Исторія трехъ раздѣловъ Польши» Феррана.

ГЛАВА IV. Западно-европейскія историческія сочиненія о паденіи Польши.

99

Содержаніе этой главы.—Интересъ къ польскимъ дѣламъ во французской и нѣмецкой историографіи.—Первыя прусскія публикаціи.—Архивная разработка исторіи польскихъ раздѣловъ съ середины XIX вѣка.—Отдѣлы о Польшѣ въ соч. Раумера по исторіи Европы въ 1763—1783 гг.—Нѣмецкая исторія Россіи проф. Германа.—Сочиненіе Зибеля о революціонной эпохѣ.—Его пониманіе прусско-польскихъ отношеній.—Взглядъ Зибеля на второй раздѣлъ Польши.—Общее его отношеніе къ паденію Польши.—Историческіе труды Фр. Смитта по исторіи польскихъ раздѣловъ и общая ихъ идея.—Взгляды Смитта на польское устройство, національный характеръ поляковъ, на внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой, на первый раздѣлъ, на періодъ отъ 1773 по 1788 гг., на конституцію 3-го мая и на паденіе Польши вообще.—Критика Смиттомъ его предшественниковъ.—Его характеристика русской и прусской политики въ первомъ раздѣлѣ.—Общая соображенія о послѣднемъ.—Книга Янсена о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой.—Ея вѣроисповѣдный характеръ.—Сочиненіе Беера о первомъ раздѣлѣ.—Работа Арнета по австрійской исторіи при Маріи Терезіи.—Трудъ Гюппе, Рѣцеля, ф. деръ-Брюггена и др.—Польскія дѣла во французскихъ сочиненіяхъ де-Броули, Лорана и Сореля.—Паденіе Польши въ наукѣ международнаго права.

ГЛАВА V. Историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ

172

Важное значеніе русской публицистики по польскому вопросу.—Непосредственное вниманіе иностранными писателями роли Россіи въ исторіи Польши.—Вѣрный взглядъ на исторію русско-польскихъ отношеній.—«Русское дѣло» въ XVIII в.—Наше прежнее незнаніе этнографіи собственнаго русскаго племени.—Начало русской публицистики по польскому вопросу.—М. П. Погодинъ.—Наше славянофильство и польскій мессіаниззмъ.—Статья Ю. О. Самарина о современномъ объемѣ польскаго вопроса.—Статьи Гильфердинга по польскому вопросу.—Взгляды И. С. Аксакова.—Взглядъ Н. Я. Данилевскаго.—Украинофильская точка зрѣнія.—«Чтенія объ исторіи западной Россіи» проф. Кояловича.—Нѣкоторые дополненія изъ его «Исторія русскаго самосознанія».—Статьи А. Н. Пыпина о малорусской и бѣлорусской этнографіи.—Нѣсколько общихъ замѣчаній относительно постановки вопроса о паденіи Рѣчи Посполитой въ русской публицистикѣ.

ГЛАВА VI. Послѣднія времена Рѣчи Посполитой въ русской исторической литературѣ.

221

Общій взглядъ на русскую историографію о паденіи Польши. — Сочиненіе проф. В. И. Герье о «борьбѣ за польскій вопросъ въ 1733 г.». — Его взглядъ на причины упадка Рѣчи Посполитой. — «Исторія паденія Польши» Соловьева. — Значеніе паденія Польши и причины этого факта по взгляду Соловьева. — Характеръ этого сочиненія Соловьева. — Нѣкоторые сужденія его автора. — Замѣчаніе о его матеріалѣ. — Послѣдніе томы «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». — Общія разсужденія Соловьева о русско-польскихъ отношеніяхъ въ 26 и 28 томахъ Исторіи. — Сочиненія Костомарова, касающіяся польской исторіи, и «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». — Общій взглядъ Костомарова на причины разложенія Польши. — Польскій національный характеръ. — Изображеніе польскихъ нравовъ. — Отношеніе Костомарова къ конституціи Рѣчи Посполитой. — Его взглядъ на угнетеніе народныхъ массъ. — Деморализація шляхты. — Конституція 3-го мая и возстаніе Костюшки по представленію Костомарова. — Русско-польскія отношенія въ его освѣщеніи. — Общій взглядъ его на паденіе Польши. — Нѣсколько замѣчаній о разсужденіяхъ Костомарова. — „Гродненскій сеймъ 1793 г.“ Д. И. Иловайскаго. — Взглядъ автора на причины паденія Польши. — Общіе его выводы. — Сочиненіе де-Пуле. — Общее отношеніе автора къ русско-польскому вопросу. — Его взгляды на причины паденія Польши, на угнетеніе народной массы, на религіозный вопросъ, на общій характеръ польской культуры, на русскую политику въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ. — «Вырожденіе Польши» Ѳ. М. Уманца. — Взглядъ автора на причины паденія Польши. — Сочиненіе проф. Брикнера объ Екатеринѣ II.

ГЛАВА VII. Новѣйшіе польскіе историческіе труды объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой.

290

Стремленіе новѣйшихъ польскихъ историковъ къ научности. — «Польша съ эпоху трехъ раздѣловъ» И.-И. Крашевскаго. — Взглядъ автора на состояніе вопроса. — Общій характеръ и содержаніе труда. — Нѣкоторая неясность общихъ соображеній автора. — Его философія польской исторіи. — Идеализація польщины. — Обратная сторона медали. — Конституція 3-го мая по представленію Крашевскаго. — Его взглядъ на событія 1792—94 гг. — Русско-польскія отношенія въ его трудѣ. — Раннія работы Калинки. — Его трудъ о послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа и партія станьчиговъ. — Недостатки и достоинства труда. — Предисловіе къ этому труду. — Русско-польскія отношенія и диссидентскій вопросъ по Калинкѣ. — Исправленіе поляковъ послѣ перваго раздѣла. — Полемика Калинки съ Бобржинскимъ. — «Четырехлѣтній сеймъ». — Заявленія автора о характерѣ труда. — Общій взглядъ на содержаніе послѣдняго. — Отношеніе Калинки къ польскому государственному строю. — Деморализація польскаго общества по его изображенію. — Какъ понимаетъ Калинка задачу внѣшней политики Польши? — Судьбы уніи, по его представленію. — Вопросъ о союзѣ съ Россіей. — Общее отношеніе Калинки къ самому сейму. — Защита имъ Станислава Августа. — Политическая литература эпохи. — Взглядъ Калинки на 3-е мая. — Мнѣніе Корзона о книгѣ Калинки. — Сочиненіе Корзона по ву-

тренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ. — Обзоръ содержанія этого труда по томамъ: населеніе Польши, экономическое состояніе, финансы, правительство Рѣчи Посполитой, администрація, судебное устройство, войско. — Общіе выводы Корзона. — Заключение.

ГЛАВА VIII. Самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши

376

Внутренняя безурядица, какъ главная причина паденія Польши. — Въ чемъ заключалось это безурядье? — Необходимость изученія государственнаго права Рѣчи Посполитой. — Главный вопросъ этой исторіи. — Запоздалость политической реформы въ Польшѣ. — Соціальныя и культурныя условія упадка Польши. — Отношеніе современныхъ паденію Польши писателей къ этому событію. — Какъ они понимали внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой? — Изслѣдованіе старыхъ польско-прусскихъ и польско-русскихъ отношеній въ исторіографіи XIX в. — Ближайшія причины паденія Рѣчи Посполитой. — Прусская политика въ эпоху раздѣловъ. — Несовпаденіе цѣлей прусской и русской политики относительно Польши. — Русская политика относительно Польши въ XVIII вѣкѣ. — Отношеніе поляковъ къ Россіи при Екатеринѣ II. — Перемена во взглядѣ польскихъ историковъ по отношенію къ политикѣ Россіи. — Внутреннее возрожденіе Польши передъ судомъ историковъ. — Необходимость новаго пересмотра внутренней исторіи Польши въ эпоху раздѣловъ.

Дополненія

396

Библиографическій указатель

405

ГЛАВА I.

Мнѣнія польскихъ публицистовъ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи Посполитой.

Разсматривая постановку вопроса о паденіи Польши собственно въ польской исторіографіи, мы необходимо должны, кромѣ сочиненій, специально посвященныхъ эпохѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой, съ неменьшимъ вниманіемъ имѣть постоянно въ виду и тѣ историческіе труды, которые охватываютъ все прошлое польской націи отъ перваго ея образованія до паденія созданнаго ею государства,—должны не по одному тому, что въ трудахъ этихъ, между прочимъ, говорится и о политической катастрофѣ, постигшей поляковъ въ концѣ XVIII вѣка, но главнымъ образомъ потому, что и общимъ построеніямъ польскими писателями ихъ національной исторіи придается тотъ или другой характеръ, смотря по тому, какъ разными авторами понимаются причины паденія Польши. По всей польской національной исторіографіи XIX в. можно прослѣдить вліяніе, какое оказывали взгляды относительно причинъ гибели польскаго государства, на различныя построенія всей польской исторіи,—вліяніе, весьма понятное и естественное въ виду особыхъ условій, въ какихъ пришлось развиваться исторической литературѣ въ Польшѣ XIX вѣка, и притомъ вліяніе взглядовъ, которые образовались еще въ публицистикѣ XVIII вѣка, равнымъ образомъ ставившей и рѣшавшей вопросъ о томъ, въ чемъ же заключался главный недугъ Рѣчи Посполитой и откуда взялся, съ какихъ поръ ведетъ свое начало этотъ недугъ. „Паденіе Польши“—уже приходилось писать намъ прежде—„не только создало особенныя условія, при которыхъ должна была развиваться польская исторіографія въ XIX вѣкѣ, но сдѣлалось однимъ изъ главныхъ ея вопросовъ, какъ

по количеству трудовъ, посвященныхъ самой эпохѣ, такъ и по значенію своему въ общемъ построеніи польской исторіи.... Катастрофа, случившаяся съ Рѣчью Посполитою, принадлежитъ къ числу событій, проводящихъ рѣзкую грань между двумя періодами въ историческомъ бытіи народа. Бываютъ въ жизни націй и государствъ эпохи крутого перелома, когда въ сравнительно короткій промежутокъ времени сразу измѣняются самыя существенныя условія культурно-соціальной жизни, когда всему предыдущему подводятся итоги и начинается совершенно новая жизнь. Обыкновенно такія эпохи кризиса, привлекающая къ себѣ вниманіе частныхъ историковъ, въ то же время дѣлаются своего рода центрами историко-философскаго мышленія: все предыдущее развитіе разсматривается съ точки зрѣнія процесса, приведшаго къ этому перелому, и изъ его сущности объясняются главнѣйшія явленія послѣдующей эволюціи, такъ что отъ того или иного отношенія къ такой эпохѣ зависитъ въ своихъ основахъ весь философскій взглядъ почти на все цѣлое національной исторіи. Въ нашемъ прошломъ, со времени объединенія Русской земли Москвою, такое значеніе безспорно принадлежитъ царствованію великаго преобразователя, отдѣлившему новую Россію отъ старой, „допетровской“ Руси, и если между двумя главными формулами философіи нашей національной исторіи существуетъ коренное различіе, то оно заключается именно въ пониманіи и оцѣнкѣ петровской реформы: она была переломомъ русской жизни, завершеніемъ цѣлаго крупнаго отдѣла нашей исторіи и началомъ новаго. Во Франціи такое же мѣсто принадлежитъ революціи 1789 года, унесшей въ своихъ волнахъ „старый порядокъ“, который ее и подготовилъ, и намѣтившей дальнѣйшую судьбу французской націи. Чѣмъ круче переломъ, чѣмъ большую сферу жизни онъ захватываетъ, тѣмъ долѣе онъ подготавлился и тѣмъ больше оставляетъ послѣ себя прочныхъ результатовъ, а потому тѣмъ удобнѣе можетъ сдѣлаться центральнымъ вопросомъ въ философіи исторіи того или другаго народа. Такъ, философія русской исторіи до извѣстной степени можетъ быть сведена къ разсмотрѣнію процесса, приведшаго къ петровской реформѣ, и результатовъ послѣдней для современнаго бытія Россіи, и къ ея оцѣнкѣ, какъ по отношенію къ тому, что она замѣнила, такъ и по отношенію къ созданному ею. Равнымъ образомъ, въ „старомъ порядкѣ“, революціи и современномъ обществѣ, ею созданномъ, заключается философія новой исторіи Франціи. Паденіе Рѣчи Посполитой имѣетъ одинаковое значеніе для поляковъ: къ этому событію, какъ къ финалу, какъ къ

заключительному аккорду, словно резюмирующему въ себѣ всю пьесу, приходитъ вся ихъ государственная исторія, и изъ положенія, созданнаго этимъ событіемъ для дальнѣйшаго бытія польской націи, развивается вся новѣйшая ея исторія за послѣднія сто лѣтъ¹⁾.

По случайному совпаденію почти одновременно съ нашей статьей, изъ которой заимствованы только что приведенныя строки, въ варшавскомъ журналѣ *Ateneum* (за 1886 г.) напечатана была статья г. Владислава Смоленскаго, вышедшая потомъ и отдѣльною брошюрой: „Историческія школы въ Польшѣ“²⁾, и въ статьѣ этой обращено было вниманіе на отмѣченный и нами фактъ. „Наши историки-философы“, говоритъ авторъ,—„все вниманіе обратили на явленіе паденія государства и для объясненія его воспользовались всею своею діалектикой и всѣмъ своимъ знаніемъ. Ища причинъ паденія въ сумрачныхъ временахъ, они нанизываютъ весь процессъ прошлаго на черную нить, обрывающуюся въ огромную пропасть... Принятіе катастрофы паденія, продолжаетъ онъ, за исходный пунктъ для образованія общаго взгляда на прошлое есть, по существу дѣла (z gruntu), нѣчто фальшивое, вредное для исторіи. Фактъ паденія государства, важный для исторіи въ текущемъ столѣтіи, неосновательно былъ взятъ за основу (motyw zasadniczy) для построенія „доразборовой“ исторіи. Фактъ паденія долженъ быть исходнымъ пунктомъ для исторіи „поразборовой“, ибо онъ измѣнилъ условія дальнѣйшаго развитія Польши, но мы не видимъ однако научнаго основанія, чтобы принимать его за главный критеріумъ при изслѣдованіи всего прошлаго. Развѣ прошлое накопило только матеріалъ для произведенія паденія? Развѣ рядомъ съ ошибочною организаціей государства оно не развивало иныхъ явленій? Паденіе государства не привело наше существованіе къ гибели, но только произвело въ немъ переломъ; не утониложило народа, но только измѣнило условія его развитія. Эти наши существованіе и развитіе въ текущемъ столѣтіи суть все-таки болѣе важный результатъ работы прошлаго, нежели крушеніе государства, безъ котораго мы можемъ—такъ какъ должны—обойтись. Поэтому болѣе важнымъ (rdzeniejszym), нежели утрата государственнаго бытія, является накопленіе моральнаго наслѣдія, которое обез-

¹⁾ Новѣйшая польская историографія и переворотъ въ ней (*Вѣстн. Евр.* 1886, декабрь, 540—542). См. польскій переводъ подъ заглавіемъ „Najnowszy zwrot w historyografi polskiej“. S.P.-burg. 1888. См. стр. 13—15.

²⁾ *Wł. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce (Główne kierunki poglądów na przeszłość)*. Warszawa. 1887.

печило дальнѣйшее наше существованіе и развитіе, и было бы раціональнѣе принять за исходный пунктъ для исторіи генезисъ и формацию этого наслѣдія, нежели настраиваніе всѣхъ струнъ прошлаго на тонъ паденія. Исключительность мотива паденія была бы понятна въ исторіи государства, а не народа, который есть главный предметъ историческаго изслѣдованія и который не пересталъ существовать по прекращеніи политическаго бытія⁴⁾.

Итакъ, фактъ, отмѣченный нами, несомнѣнно существуетъ, и мы вполне его понимаемъ и даже оправдываемъ, такъ какъ вполне не можемъ принять соображеній г. Смоленскаго. Въ жизни народа государство играетъ столь важную роль, что всякія измѣненія въ государствѣ являются въ то же время переменными въ существеннѣйшихъ условіяхъ народной жизни, и если для поляковъ съ паденіемъ Рѣчи Посполитой не все погибло, что создано было ихъ историческимъ прошлымъ, какъ народа, то утрата ими политическаго бытія, какъ признаетъ и самъ г. Смоленскій, измѣнила условія ихъ дальнѣйшаго существованія, вслѣдствіе чего, по его же собственнымъ словамъ, этотъ фактъ долженъ быть исходнымъ пунктомъ для исторіи Польши послѣ раздѣловъ. Если однако мы приписываемъ событію такое капитальное значеніе для всего послѣдующаго развитія, то уже нельзя считать неосновательнымъ принятіе этого факта за своего рода мѣрку при сужденіи о прошломъ, которое породило этотъ фактъ, столь важный въ исторіи самого народа. Поэтому весьма понятно, что польскіе историки придали такое значеніе паденію Рѣчи Посполитой при освѣщеніи вообще прошлаго Польши, особенно же послѣднихъ двухъ-трехъ столѣтій ея самостоятельнаго существованія. Конечно, при этомъ возможно было, да и дѣйствительно было преувеличеніе, приводившее къ односторонности, но въ общемъ нельзя не признать правильности того взгляда, по которому польскіе историки занимались паденіемъ Рѣчи Посполитой не только какъ отдѣльнымъ событіемъ, имѣвшимъ такое важное значеніе для ихъ національной исторіи въ XIX вѣкѣ, но и въ связи со всѣмъ прошлымъ Польши, объясняющимъ это событіе и въ свою очередь получающимъ отъ правильной его оцѣнки надлежащее освѣщеніе. „Чѣмъ болѣе“—писали мы еще— „чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ историческая наука, тѣмъ все менѣе и менѣе такія крупныя событія, какъ петровская реформа, французская революція и паденіе Польши, бывшія крутыми кризисами въ

⁴⁾ *Smoleński*, 85—86.

жизни трехъ народовъ, являются дѣломъ виѣшняго случая и временно сложившихся въ извѣстную комбинацію обстоятельствъ, тѣмъ все болѣе и болѣе наука выслѣживаетъ историческое подготовленіе факта, его внутреннія причины, ища ихъ не вблизи факта только, а и на очень почтенномъ разстояніи во времени... То обстоятельство, что исторіографіи въ Польшѣ пришлось развиваться главнымъ образомъ послѣ паденія національнаго государства, и сдѣлало изъ этого паденія главный фактъ, который долженъ быть объясненъ всѣмъ государственнымъ прошлымъ націи: въ послѣднемъ долженъ былъ быть найденъ моментъ поворота въ жизни народа къ окончательной катастрофѣ, должны были быть найдены еще болѣе раннія причины того, что государство свернуло на дорогу, приведшую его черезъ извѣстный промежутокъ времени къ гибели" (о. с., 542—543). Впрочемъ, мы привели выше слова польскаго историка не для того, чтобы съ нимъ полемизировать, а чтобы вмѣстѣ съ нимъ констатировать фактъ, оставаясь сами при особомъ о немъ мнѣніи, тѣмъ болѣе, что ненаучные взгляды явились въ польской исторіографіи при указанномъ отношеніи къ политической катастрофѣ конца XVIII вѣка, какъ къ главному событію польской исторіи въ новое время, не въ силу этого отношенія самого по себѣ, а въ силу извѣстнаго рода доктринерства, съ какимъ разные историки брались за рѣшеніе этого историческаго вопроса. Дѣлая выдержку изъ брошюры г. Смоленскаго, мы выпустили изъ приведенныхъ словъ нѣсколько строкъ, заключающихъ въ себѣ порицаніе такого доктринерства. Но это уже другой вопросъ, котораго мы не касаемся. Въ концѣ концовъ какъ бы ни относились къ факту, онъ несомнѣнно существуетъ: въ польской исторіографіи XIX вѣка паденіе Рѣчи Посполитой имѣетъ значеніе не только событія, очень важнаго для современнаго положенія польской націи, а потому достойнаго особливо спеціальнаго изученія, но и событія, въ подготовкѣ коего участвовала, а потому и приводила къ нему—вся предыдущая исторія польскаго государства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее превратилось въ шляхетскую Рѣчь Посполитую. Поэтому, рассматривая „паденіе Польши въ исторической литературѣ“, мы не должны ограничиваться одними тѣми трудами, кои прямо посвящены эпохѣ польскихъ раздѣловъ, а должны обратиться вообще къ польской исторіографіи, особенно же къ общимъ построеніямъ польской исторіи.

У польскихъ историческихъ писателей, которымъ въ XIX в. пришлось рѣшать вопросъ о причинахъ паденія Польши, были въ XVIII в.

предшественники въ лицѣ публицистовъ, искавшихъ средства вывести Рѣчь Посполитую изъ ея печальнаго положенія, указывавшихъ на то, что, по ихъ мнѣнію, было главнымъ зломъ въ устройствѣ польскаго государства, и объяснявшихъ, каждый съ своей точки зрѣнія, какимъ образомъ зло это внѣдрилось въ націю ¹⁾. Публицисты, дѣлавшіе попытки объяснять окружающую ихъ дѣйствительность ссылками на прежніе политическіе промахи, ошибки и инныя обстоятельства, приводившія къ тому же результату, тѣмъ самымъ становились на историческую почву и подготовляли болѣе или менѣе выработанныя сужденія обо всемъ прошломъ своего отечества, подъ вліяніемъ коихъ складывались потомъ основныя взгляды историческихъ писателей, бравшихъ на себя аналогичную задачу—объяснить уже совершившееся паденіе Рѣчи Посполитой. Въ извѣстномъ смыслѣ вся разница между публицистами XVIII в. и историками XIX заключалась въ томъ, что первые предсказывали фактъ, который для послѣднихъ былъ уже фактомъ совершившимся: до такой степени сходятся между собою тѣ и другіе въ объясненіи того, что однихъ страшило, какъ вѣроятное будущее, несущее съ собою опасность, а другихъ повергало въ уныніе, какъ слишкомъ несомнѣнное прошлое, уже принесшее съ собою гибель. Поэтому именно въ политической литературѣ прошлаго столѣтія нужно искать происхожденіе тѣхъ идей, коими жила и даже живетъ до сихъ поръ польская національная исторіографія. Польша еще существовала, а будущая литература о ея паденіи уже зародилась.

Польскіе публицисты прошлаго столѣтія, искавшіе причинъ того упадка, въ какомъ тогда находилась Рѣчь Посполитая, раздѣлились на два лагеря, республиканскій и монархическій. Республиканцы полагали причину бѣдствій родной страны въ томъ, что она отклонилась отъ своего исконнаго государственнаго устройства, которое представлялось имъ въ свѣтѣ идей Руссо,—и за одно изъ главныхъ отклоненій считали право королей раздавать должности и бенефиціи, бывшія первоначально яко бы въ рукахъ сувереннаго народа, тогда какъ монархисты утверждали, что бѣдствія Польши происходятъ отъ сла-

¹⁾ Объ этой публицистикѣ см. *Hoffmann. Historia reform politycznych w Polsce. 1867; Pilat. Literatura polityczna sejmu czteroletniego (Przegląd polski 1872); Kalinka. Sejm czteroletni. 1886* (первая половина второй части второго тома). Означенные авторы однако обращаютъ главное вниманіе не на историческія построенія польскихъ публицистовъ.

бости правительства, выразившейся въ томъ положеніи, какое занимала въ нихъ отечествѣ королевская власть ¹⁾).

Въ этомъ раздѣленіи на партіи, боровшіяся въ Польшѣ за власть, сказалось отчасти и вліяніе тогдашнихъ политическихъ идей, шедшихъ съ Запада, а самое существованіе этихъ двухъ партій отразилось и на историческихъ взглядахъ тогдашнихъ поляковъ. Республиканцы и монархисты не только расходились кореннымъ образомъ въ своихъ мнѣніяхъ относительно средствъ спасенія Рѣчи Посполитой, но и самое отдаленное прошлое Польши понимали совершенно различно. Обѣ партіи дѣлали экскурсіи въ исторію, дабы ея авторитетомъ поддержать справедливость своихъ идей, и такимъ образомъ еще до окончательнаго паденія государства все прошлое польской націи привлекалось для объясненія приключившихся съ нею несчастій. Подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ историческихъ воззрѣній, сложившихся въ послѣднее время политическаго существованія Польши, находилась и польская историографія XIX вѣка; но разъ историческія воззрѣнія XVIII столѣтія обязаны были своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ постановкѣ вопроса о причинахъ политическихъ бѣдствій Рѣчи Посполитой, то и писатели XIX вѣка должны были, объясняя прошлое своего отечества, постоянно имѣть въ виду фактъ, котораго опасались ихъ предшественники, но который для нихъ уже былъ совершившимся фактомъ. И подобно тому, какъ въ публицистикѣ XVIII вѣка образовалось два различныхъ взгляда на прошлое Польши, такъ и историографія текущаго столѣтія въ этомъ отношеніи распадается на двѣ школы, смѣнявшія одна другую съ теченіемъ времени. Поэтому краткій обзоръ нѣкоторыхъ произведеній польской политической литературы и необходимъ при изученіи польской историографіи, хотя обзоръ этотъ придется начать съ чисто историческаго сочиненія о Польшѣ, написаннаго притомъ не врожденнымъ полякомъ.

Именно первый, кто сдѣлалъ попытку представить общій взглядъ на исторію Польши, былъ французскій дворянинъ, получившій индигенатъ въ Рѣчи Посполитой, Сесаръ Пиррисъ де Вариль (Cesar Pyrrhus de Varille), который въ 1760 году издалъ въ Варшавѣ по латыни небольшую книжку подъ заглавіемъ „Политическаго компендіума“ ²⁾.

¹⁾ Wł. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce, 13—15.

²⁾ Compendium politicum seu brevis dissertatio de variis poloni imperii vicibus in qua reipublicae sive libertatis, necnon in comitiis vetandi juris origo,